

**АБРЕКИ, ХАДЖИРЕТЫ, ПСИХАДЗЕ:
ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ
// Всеобщая история. Ежеквартальный научный
журнал. - 2013 №2 – С.30-38.**

Абрек (абрэдж), хаджирет (хьэжрэт), психадзе (психэдзэ), джигит (джигит), хубхадед (хубхадед), харцыз (хьерсыз), карамзада (кьырымзадэ), мюрид (мюрид), мутазиг (мутазихь), хехес (хэхэс) – эти термины довольно часто встречаются в архивных и нарративных источниках по истории Кавказской войны¹.

Следует отметить, что в отечественной историографии до настоящего времени еще не выработана единая точка зрения по проблемам дефиниции² этих определений. Например, четко не разграничены понятия «абрек», «психадзе» и «хаджирет» (хеджрет).

По нашему мнению, подмена понятий в исторических исследованиях обусловлена рядом факторов, основанных на методологическом плюрализме в изучении особенностей Кавказской войны. Во-первых, существенно отличается характер содержащихся в трудах авторов разных поколений взглядов и суждений, которые трансформируются вместе со сменой государственно-политических режимов. Так, в трудах дореволюционных авторов были намечены всего лишь первые попытки теоретического осмысления основных аспектов функционирования института абречества у народов Кавказа³. На рубеже 20–30-х гг. XX в. отечественная историография стала претерпевать значительные изменения под влиянием марксистско-ленинской идеологии. В это время начал утверждаться «классовый» подход в исторических исследованиях. В послевоенное время стал усиливаться идеологический контроль над ис-

торическими науками, возрождалась общинно-родовая теория. На этом фоне существенно занижался уровень общественного развития народов Кавказа⁴.

Абреки, хаджиреты и психадзе представлялись в основном как грабители и разбойники. В 70-е – начале 80-х гг. XX в. большинство исследователей придерживались концепции, которая сложилась в 60-е гг. XX в. В своих работах они в основном уточняли уже известные факты, либо дополняли их новыми материалами⁵.

Только в постсоветский период стали появляться работы, которые значительно дополняют и пересматривают достижения предшествующей историографии⁶.

Например, В.О. Бобровников в своей монографии, опубликованной в 2002 году, выделяет два основных направления в исследовании института абречества у народов Кавказа. Первое направление он связывает с генезисом «кавказофобских идей российской дореволюционной литературы, сторонники которой считали его частным случаем профессионального бандитизма, присущего примитивному горскому обществу»⁷.

Второе – условно обозначает как «прогрессивное антиколониальное движение», поддержанное всеми слоями горского общества⁸.

Во-вторых, в правовых культурах каждой из адыгских субэтнических групп сформировались различные обозначения схожих по смыслу явлений.

В-третьих, со временем семантика анализируемых терминов менялась под воздействием качественно разных факторов.

Все это в разное время зачастую приводило к ошибочным отождествлениям этих понятий. Так, например, Ш. Казиев и И. Кареев считали, что «термин «абрек» не применялся в Закубанье, его местный синоним – «хеджрет»⁹.

Их вывод основывался на мнении И.Д. Попко, который писал, что, «...за Кубанью хеджреты то же что за Терекком абреки»¹⁰.

Более того, этот И.Д. Попко заблуждался и в том, что «хеждреты» – это конные богатые «набежчики», а «психадзе» – воровские шайки пеших бедняков¹¹.

Мы считаем, что для дифференциации этих понятий необходимо проследить этимологию каждого из них.

Слово «абрек», «абредж» приобретало разные оттенки в зависимости от социальной среды и времени функционирования: «а) изгнанный родом, «изгой»; б) у кабардинцев в XVI – XVIII вв. князья и дворян, изгнанные за пределы Кабарды в результате междоусобиц; в) во время Кавказской войны переосмысленный термин, ставший синонимом всякого «немирного горца»¹².

В словаре В. Даля термин «абрек» трактуется как «отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке»¹³.

У Брокгауза и Ефрона (1890) «абрек» – человек, «принимающий на себя обет избегать всяческих жизненных удовольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях с людьми»¹⁴. По мнению В.И. Абаева, слово «абрек», имея различные варианты произношения у кавказских народов, было усвоено из диалектов персидского языка и имеет в своей основе понятия «грабеж, грабить, добыча, бродяга, пришелец»¹⁵. В своем фундаментальном труде «Этнография народов СССР» С.А. Токарев писал о черкесском абречестве как институте, порожденном «условиями патриархально-родового строя»¹⁶. Некоторые исследователи относят происхождение этого термина к персидскому «арарак (н.-перс. *avara*) – бродяга, грабитель»¹⁷. В.О. Бобровников считает, что в русский язык слово «абрек» попало из черкесского (адыгского) ближе к концу Кавказской войны, причем к этому времени оно означало уже не столько «беглец» и «изгой», сколько «разбойник»¹⁸.

В языках кавказских горцев существовали и другие обозначения этой группы людей. Например, аналогом термина «абрек» является тюркское слово «качак»¹⁹.

Ф.И. Леонтович делал некоторые сравнения между кавказскими абреками и монгольскими элэтами или сабсарами (*sabssar*) – «изгоями, уходившими из родных улусов и соединявших их ортайств (родов. – *авт.*), причем сабсарами могли являться не только отдельные лица, изгнанные из рода, но и целые ро-

довые союзы, уходившие из стеснительных уз племенного ортайства»²⁰. Изгнание из общества как вид наказания за преступления прослеживается и в обычном праве некоторых кочевых народов Средней Азии. Особенностью здесь выступает то, что эта мера у них применялась в крайних случаях, когда, «устав от проделок вора, одноаульцы могли отречься от него»²¹. Хотя «...вор из опасения пропасть в изгнании... принужден бывает, исправившись, вновь пристать к родному обществу, или в противном случае погибает от первого раздраженного на него врага»²².

Во все времена абреки на Северном Кавказе занимали особое положение. Это была группа людей, которая противопоставлялась остальному обществу. Сюда до начала Кавказской войны, главным образом, включались те, кто по ряду причин (кровная месть, поиск славы и добычи и т.д.) добровольно оставлял родные места, и отчасти тех, кого сородичи изгоняли из общества²³. Некоторые кавказоведы считают, что «среди апарагов (читай – абреков; в данном случае, переселенцев. – *авт.*) было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства»²⁴. По словам Ф.И. Леонтовича, юридическое положение «абрека высказывалось в полной его незащитности и бесправности – абрек в отношении к своему роду был «отверженником», лишенным защиты родовых адатов, вполне предоставленным действию кулачного права. Абрек мог безнаказанно убит, взят в рабство и пр. – трактовался словом, как бесправный чужеродец, не имевший за собой никаких человеческих прав вне своего рода»²⁵.

До начала российского влияния на Кавказе у западных адыгов абреками становились мужчины, которые добровольно давали клятвы отречения от общественных благ. В «Адатах кавказских горцев», составленных А.А. Кучеровым, было зафиксировано правило, согласно которому «к абрекам относятся также все те, которые вследствие особенного рода молодничества и какого бы то не было горя, несчастья или бедности, давали себе обет на всю жизнь или на известный срок не участвовать ни в играх, ни в веселостях, не

жалеть жизни в набегах, не спускать ни малейшей обиды ни другу, ни брату, и не знать завета на чужое»²⁶.

О том, что термин «абрек» применялся у кабардинцев для обозначения преступников еще задолго до начала Кавказской войны, свидетельствуют некоторые топонимические данные. Так, согласно легенде о восстании Машуко, дорога в районе Пятигорья, которую он использовал для тайного передвижения к местам своего укрывательства и на которой был предательски убит, называется «Абрек Чекео», «Абрэдж лъагъуэ» (т.е. «тропинка беглецов»)²⁷.

Развитие абречества у кабардинцев в XVIII в. привело к появлению особого вида изгойства. Так, в архивных документах князя, изгнанные из Кабарды по политическим мотивам, встречаются под названием «абреги». Однако в 20–50-е гг. XVIII в. институт изгнания князей качественно отличался от традиционного кабардинского абречества. Во-первых, влиятельный кабардинский князь на определенное время вынужден был покинуть пределы Большой Кабарды. Во-вторых, изгнание не влекло утраты политических и социально-экономических привилегий, угрозы физического истребления и других неблагоприятных последствий. В-третьих, князя-«абреги» искали посредничества у третьей стороны, будь то иностранные силы или тлекотлеши. И, в-четвертых, политическая элита Кабарды ясно осознавала неизбежность возвращения изгнанников на родину²⁸.

В конце XVIII – первой половине XIX в. под воздействием, главным образом, внешних политических факторов абречество у кабардинцев стало приобретать формы, качественно отличавшиеся от традиционных. Некоторые исследователи полагают, что с началом Кавказской войны термин «абрек» стал синонимом всякого «немирного» горца²⁹.

На основе анализа архивных документов видно, что к концу 20-х гг. XIX в. слова «беглый кабардинец» и «абрек» для казаков-линейцев стали синонимами. Однако следует особо подчеркнуть, что в первой половине XIX в. «беглые» кабардинцы становились «абреками» прежде всего по отношению к

российскому правительству, которое и поставило их «вне закона». Другими словами, абреками они назывались не по нормам кабардинского обычного права, а по законам Российской империи. Само же общество не изгоняло их, и поэтому на первых порах не могло относиться к ним как к преступникам, лишенным всех прав. А с точки зрения российских законов абречество во время Кавказской войны стало рассматриваться как уголовное преступление.

Качественно отличительное толкование от слова «абрек» имеет дефидент «хаджирет». Р.А. Фадеев в «Письмах с Кавказа» назвал хаджиретов, которых в документах и историко-этнографической литературе того времени обозначали как «абреков», «вольными кабардинцами»³⁰.

И.Д. Попко писал, что «хеджрет (от арабского «хеджра» – бегство) значит: беглец, переселенец. Это чужое название горцы благосклонно приняли и водворили в свой язык в честь хеджры, или бегства, основателя ислама из Мекки в Медину»³¹. Описывая внешность «хеджретов» и их положение в обществе, он отмечал, что «...хеджрет – это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник – это лев набега»³².

Этот термин, по его словам, применялся в отношении «...дворян и людей достаточных»³³.

Он писал: «Когда горец выехал из своего аула на такое расстояние, далее которого не отходят от жилья куры, – выехал, разумеется, не с одними голыми руками, а с зарядом в ружье и с десятью другими в газырях, с куском сухого сыра в сумке и с арканом в тороке, он – хеджрет»³⁴.

Анализ широкого круга источников показывает, что термин «хаджирет» (хеджрет) появился в черкесском языке не ранее середины 30-х гг. XIX в.

Масштабы формирования кабардинского населения в Закубанье в первой четверти XIX в. привели к появлению названия «Хажиретова Кабарда» («Хъэжырэт Къэбэрдей»)»³⁵.

Н.Г. Волкова писала, что «и сейчас (на рубеже 60–70-х гг. XX в. – авт.) черкес, разговаривая с кабардинцем, назовет себя хъэжрэт («абрек», «отступник»), показав тем самым, что он потомок адыга, ушедшего из Кабарды»³⁶.

К.Ф. Сталь считал, что с 1835 г. закубанские «хищники» приняли название «хаджиретов» («беглецов») – «хищников за веру»³⁷. Для этих людей воровство в русских пределах стало делом душеспасительным, смерть в набеге давала убитому венец «шагида» (мученика).

Е. Вейденбаум, издавший работу К.Ф. Сталя в 21-м томе «Кавказского сборника», в своих комментариях отмечал, что «...выражение это неточно»³⁸. Он писал, что «хаджиретами назывались приверженцы учения, проповедовавшего войну за веру»³⁹.

На новых территориях «беглые» кабардинцы приобретали особый статус. На них распространялись все права и социальные гарантии принимающей стороны. Известное решение народного собрания абадзехов 1841 г. устанавливало, что «если хаджрет (беглый, бывший раньше «мирным») явится на нашу землю, его особа священна; тот, кто силой и хитростью отнимет у хаджрета что-нибудь, заплатит штраф, налагаемый нами за всякое воровство»⁴⁰. Такой статус исключал придание хаджеретам со стороны коренных жителей статуса «абрека».

Кроме того, до настоящего времени в историографии данной проблемы еще не поднимались вопросы о полиэтничном составе Хаджиретовой Кабарды. Мы считаем, что эта тема весьма актуальна по ряду причин. Во-первых, среди подвластных мигрировавших за Кубань кабардинских князей и уорков были представители различных кавказских народов (кабардинцы, осетины, абазины, балкарцы). Во-вторых, на территориях проживания «беглых» кабардинцев поселялись и представители соседних горских этносов, которые продолжали еще вести борьбу за независимость. Так, например, некоторые ногайцы, переселяясь в 1823 г. за р. Белую, «по обету для своего душеспасения считали необходимым пойти на несколько лет в *хаджиреты* (курсив наш. – авт.)»⁴¹.

От закубанских хаджеретов следует отличать кабардинских хэхэс. Под эту категорию попадали изгнанники из-за Кубани, из Дагестана и Чечни, скрывавшиеся от кровной мести в кабардинских аулах⁴². Сюда же иногда включа-

лись и приезжие торговцы и ремесленники. Но для нашего исследования интерес представляют те хэхэс, которые покидали прежнее место жительства, совершив преступление, скрываясь от кровной мести либо будучи изгнанными и т.п. В середине XIX в. хэхэс, поселяясь в каком-либо кабардинском ауле, должны были получить разрешение на это у сельского старшины. Среди сельчан хэхэс не пользовались уважением. Например, при спорах им всегда напоминали об их статусе. При конфликтах хэхэс подвергались большим преследованиям со стороны общества, нежели коренные жители. За убийства они приговаривались к уплате большей суммы (композиции), чем простые сельчане⁴³. Хэхэс, скрывавшиеся от кровной мести, жили очень бедно. Бывало, что «они не могли найти 3–4 метра материала для джабин (саван. – *авт.*), тогда его шили из мешка»⁴⁴. Их не приглашали на сельские сходы⁴⁵. Они не имели права на получение земельного участка, поэтому им приходилось арендовать землю или работать по найму. Однако хэхэс или их потомки могли стать полноправными членами общества лишь за особые заслуги либо за продолжительное проживание в одном месте «без замечаний»⁴⁶.

Свою специфику имеет и термин *психадзе*. У «демократических» адыгов, проживавших в низовьях р. Кубани, был весьма распространен термин «психадзе». И.Д. Попко писал, что «...психадзе – по-русски «стая водяных псов», так называются у самих горцев пешие, неотвязные и надоедливые хищники, достигающие добычи украдкой, ползком, рядом мученических засад, – больше шакалы, чем львы набегов...»⁴⁷ Этот «...образ хищничества свойствен простым по происхождению и бедным по состоянию людям»⁴⁸. Однако, согласно сведений Л.Я. Люлье, «психадзэ» – это преступники, приговоренные к смертной казни через утопление. Л.Я. Люлье писал, что «если он не успеет тотчас после объявления скрыться бегством, то схватывается, заковычивается в кандалы, привязывается к дереву и убивается из огнестрельного оружия. Однако никто из своих не поднимет на него руки. Обыкновенно заставляют какого-нибудь раба сделать смертельный выстрел. Чаще же всего такого преступника бросают в воду, привязав ему на шею камень. Отсюда и

произошло название «психядзь», означающее слово в слово – «брошенный в воду»⁴⁹.

Следует дифференцировать и другие категории юридической антропологии адыгов. Так, например, *наездниками* в документах царских чиновников назывались в основном люди, участвующие в военных набегах на российские военные укрепления. *Джигит* – (тюрк. «молодой парень», «юноша», «молодец») всадник, отличающийся отвагою, выносливостью, искусством управлять конем и владеть оружием. *Хубхадед* – адыгский аналог тюркского слова «джигит»⁵⁰. *Харцыз* – слово, пришедшее из турецкого языка. На Кавказе употреблялось в основном в значении «вор». *Карамзада* – по данным Е. Хамар-Дабанова «по-черкесски значит разбойник»⁵¹.

Подводя итоги настоящего исследования, следует подчеркнуть, что каждое из анализируемых явлений, независимо от обстоятельств их появления, имело собственное условное обозначение, которое очень тонко отражало сущность и особенности его функционирования.

Примечания:

¹ Скиба К.В. Абреки, наездники, джигиты // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С.161-164.

² Дефиния – процесс установления смысла и содержания терминов.

³ Краткое описание о кабардинских народах, сделанных в 1784 году генерал-поручиком Павлом Потемкиным // КРО. Т. 2. С. 359–364; *Броневский С.М.* Новейшая история о Кавказе, собранная и пополненная Семеновым Броневским. Спб., 2004; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Спб., 1869. Ч. 1; Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999; *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994; *Кажаров В. Х.* «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова и катастрофы его времени. // Исторический вестник. Вып. 2. Нальчик, 2005. С. 328; *Хан-Гирей.* Записки о Черкессии. Нальчик, 1992; *Кешев А.-Г. (Каламбий).* Записки черкеса. Нальчик, 1988; *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 59–173; *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005. С. 162; *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151; Дьячков-Тарасов А.А. Абадзехи // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Нальчик, 2004. С. 630; *Васильков В.В.* Очерк быта темиргоевцев // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Нальчик, 2004. С. 582; *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 4. Тифлис, 1870. С. 1–72; *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 342; *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

⁴ *Скитский Б.В.* Холопский вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды 1739–1779 гг. Владикавказ, 1930; *Кокиев Г.А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 72; Стенограмма дискуссии по вопросу о феодализме в Кабарде (1948) // Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 49, 50; Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 5, ед. хр. 3. *Ладыженский А.М.* Изучение адатов кабар-

динцев и народов, находящихся от них в вассальной зависимости, 1947; Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 5, ед. хр. 4. *Ладыженский А.М.* Тезисы диссертации: «Адаты кабардинцев и народов, находящихся от них в вассальной зависимости», 1947.

⁵ *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960; *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967; *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом развитии Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Вып. 6. Нальчик, 1972; *Сокуров В.Н.* Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – четверти XVIII вв. Автореферат дис. к. и. н. М., 1977; *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа в XVIII – XIX вв. // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. III. Нальчик, 1954. С. 143–192; *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. 1. С. 265–374, М., 1958. Т. 2. С. 139–274, М., 1962. Т. 3. С. 158–288; *Он же.* Этнография и история Кавказа. М., 1961; *Фадеев А.В.* Вопросы о социальном строе кавказских горцев в XVIII–XIX веках в работах советских историков // Вопросы истории, 1958. № 5. С. 130–134; *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Москва, 1965.

⁶ *В.Х.* Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993; *Он же.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Кабарды. Нальчик, 1992; *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994; *Казиев Ш., Карпеев И.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003; *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 25; *Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект исследования. СПб., 2004; *Он же.* Абречество – реальность и предрасудки // Электронный ресурс: http://nvo.ng.ru/history/2003-08-29/5_abrek.html; *Он же.* К вопросу о статусе абреков на Северном Кавказе // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг. СПб., 2001. С. 63–64; *Он же.* Бурка как атрибут абрека // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг. СПб., 2001. С. 65; *Скиба К.В.* Абреки, наездники, джигиты // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 161–164; *Алоев Т.Х.* «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799–1829 гг. Дис. к.и.н. Майкоп, 2006; *Карданова Р.С.* Институт абречества в политической системе Кабарды в XVIII – первой половине XIX вв. // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 195.

⁷ *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 25.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ *Казиев Ш., Карпеев И.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003. С. 166.

¹⁰ *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.

¹¹ *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.

¹² Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. Гутова А.М., Кажарова В.Х., Шериевой Н.Г. Нальчик, 2005. С. 416.

¹³ *Даль В.* Толковый словарь великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 2.

¹⁴ *Ботяков Ю.М.* Указ.соч. С. 6.

¹⁵ *Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. СПб., 2004. С. 5-6.

¹⁶ *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Москва, 1958. С. 255.

¹⁷ Этимологический словарь русского языка. М., 1963. Т. 1. Ч. 1. С. 17; цит. по: Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа... С. 27.

¹⁸ Бобровников М.О. Мусульмане... С. 28.

¹⁹ Джиджилаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990. С. 161; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 142.

²⁰ Леонтович Ф.И. Адаты... С. 297.

²¹ *Брусина О.И.* Родовое начало в обычном праве кочевого населения и практика косвенного управления в Туркестане // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 177.

²² Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1. Алма-Аты, 1948. С. 196.

²³ *Карданова Р.С.* Институт абречества в политической системе Кабарды в XVIII – первой половине XIX вв. // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 195.

- ²⁴ Бобровников М.О. Мусульмане Северного Кавказа... С. 142; Анчабадзе Ю.Д. «Остаркизм» на Кавказе // Советская этнография, 1979. № 5. С. 137; Агаларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. М., 1988. С. 101 – 104.
- ²⁵ Леонтович Ф.И. Адагы... С. 296.
- ²⁶ Правовые нормы... С. 186.
- ²⁷ Карданова Р.С. Институт абречества у кабардинцев в XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. к. и. н. Махачкала, 2010. С. 15–16.
- ²⁸ Карданова Р.С. Институт абречества у кабардинцев в XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. к. и. н. Махачкала, 2010. С. 17.
- ²⁹ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994 – 430 с.
- ³⁰ Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005. С. 162.
- ³¹ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.
- ³² Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.
- ³³ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.
- ³⁴ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.
- ³⁵ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 400.
- ³⁶ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 64.
- ³⁷ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 239.
- ³⁸ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 239.
- ³⁹ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 239.
- ⁴⁰ Дьячков-Тарасов А.А. Абадзехи // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Нальчик, 2004. С. 630.
- ⁴¹ Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 202.
- ⁴² Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 1-е изд. М., 1999. С. 690; Цит. по: Абазов А.Х. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 244–275.
- ⁴³ Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 20 а, пасп. № 39.
- ⁴⁴ Там же, пасп. № 38.
- ⁴⁵ Там же, пасп. № 39.
- ⁴⁶ Там же, ед. хр. 20, пасп. № 36.
- ⁴⁷ Попко И.Д. Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Люлье Л.Я. Черкессия: Историко-этнографические статьи. Перемышль, 1990. С. 12-13.
- ⁵⁰ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы, в 17 рассказах, с эпилогом, картой и рисунками с натуры. В 2-х частях. Краснодар, 1998. С. 151.
- ⁵¹ Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Ставрополь, 1986.